

ВЫСТАВКА *Галерея - 2003 - 4 июня - с. 15.*

“художник работает для будущего”

СЕРГЕЙ САФОНОВ

В Центральном доме художника открылась выставка произведений Евгения Расторгуева. Она организована Международной конфедерацией союзов художников и приурочена к пятидесятилетию творческой деятельности мастера, одинаково плодотворно работающего в живописи, графике и в создании трехмерных объектов.

У этой экспозиции довольно грустная предыстория. Задумывалась она несколько лет назад собирателем, издателем и бизнесменом Виктором Яковлевым в галерее со странноватым названием «Явь», прихотливо выдававшим инициалы хозяина. Яковлев и до обустройства галереи был неплохо известен в кругах старшего поколения московских художников: многих из них он поддерживал, приобретая работы. Но водочный бизнес в России — один из самых расстрельных; в один из последних дней предыдущего «Арт Манежа» (молодая галерея показывала на той ярмарке фольклорную графику Татьяны Мавриной из своего собрания — не на продажу, а ради утверждения имени художника) Яковлев был убит возле собственного дома на Бронной. Холсты Расторгуева, оформленные в багет, а иногда и отреставрированные усилиями собирателя-галериста, так и остались на стеллажах мастерской. Возможно, эти события приблизили кончину Тамары Гусевой — известного театрального художника, жены и единомышленника Расторгуева; о ее мемориальной выставке в редакции журнала «Наше наследие» **Газета** не так давно сообщала.

Выставка смотрится оптимистично. Это особый талант художника — разделять приметы

повседневной жизни и вечные вопросы искусства. Еще в советские времена Расторгуева отнесли к категории художников «левого МОСХа» — к тем авторам, что оставались в составе творческого союза и не стремились в откровенные диссиденты, но в творчестве ориентировались на мировые имена, постановку и решение сугубо профессиональных задач. Цвет, свет, ритм, поверхность... Одним из безусловных «маяков» для Расторгуева был и остается Анри Матисс; о его картинах с Евгением Анатольевичем можно говорить, кажется, бесконечно.

«Живопись новых французских художников я узнал еще в мальчишеском возрасте — в тридцатые годы. Тогда ее можно было увидеть в Музее нового западного искусства на Пречистенке, в здании, где теперь находится Академия художеств, — вспоминает Расторгуев. — В самом просторном зале располагался Матисс. Боже мой! Какие сочные и яркие краски против уже знакомой мне Третьяковки! Меня манили мастерство и свобода выражения».

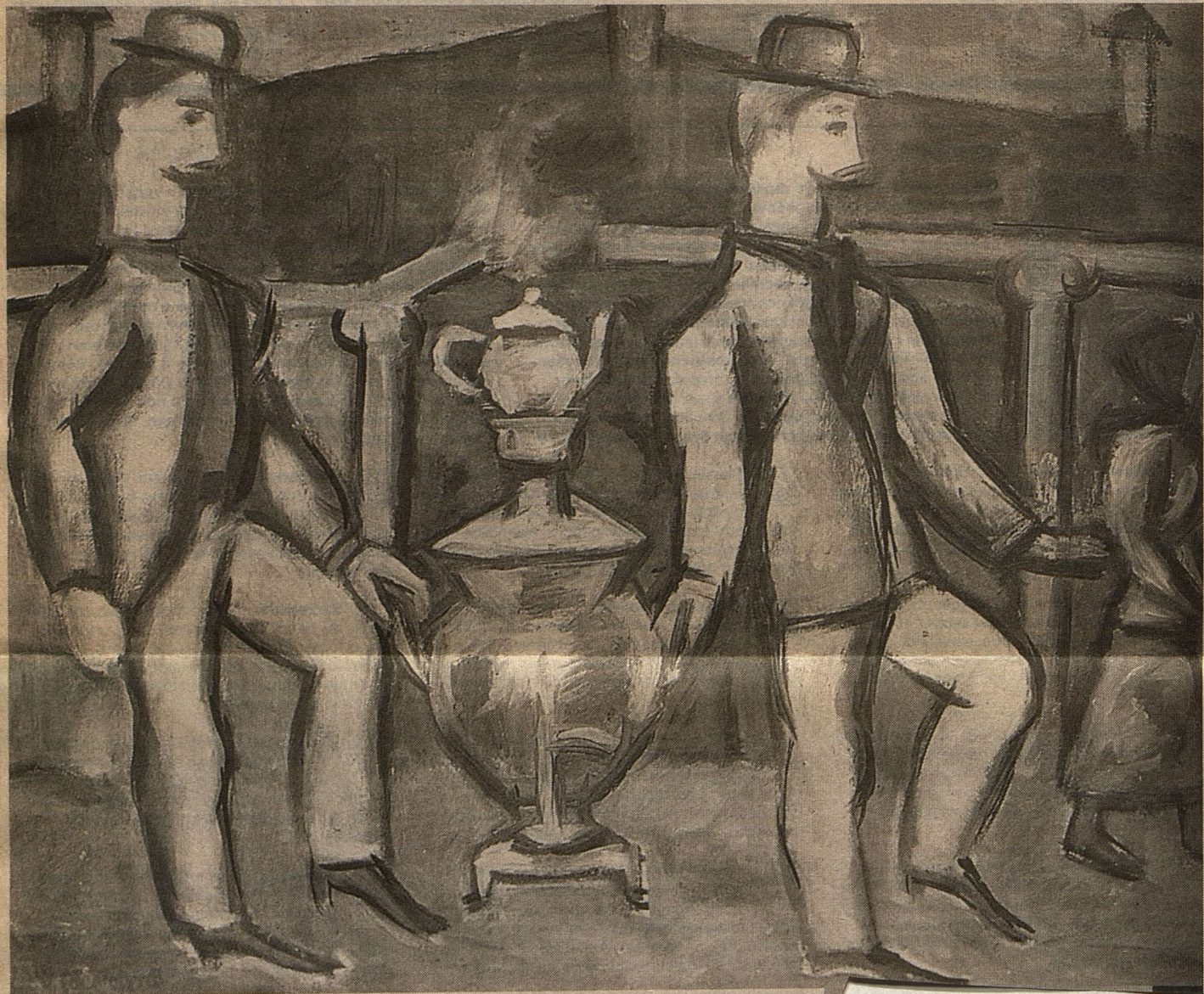
Притом что юношеские восторги начинающего живописца были адресованы западному искусству, художник сумел-таки создать мир, обращенный к российскому фольклору. Юбилейной выставке он предпослал эпиграф: «Мы только листья. Корни — народное искусство». А главным на ней стал почти бесконечный цикл «Городецкие фантазии» — на холстах, а также на стеклянных бутылках и трехмерных объектах, бумажных «архитектонках». Жаль, что свои опыты в керамике в этот раз художник решил не показывать.

Возникновение городецкого цикла закономерно: Расторгуев происходит из села Николо-Погост Нижегородской области, где родился в 1920-м. Через четыре года семейство переехало в Городец, на улицу с не-

правдоподобным названием Церемоновская Заверниха. В семь лет Евгением был получен первый художественный заказ: для местного пряничника Горохова он написал масляными красками картину «Ниагарский водопад» и... портрет Тургенева. «Горохов был первым моим художественным меценатом и заплатил за работу полными собраниями сочинений Короленко и Гамсуна», — рассказывает Расторгуев. Впоследствии воспоминания детства, с мужиками на огородах, матросами и парикмахерами, фарами и лихачами, ярмарочными вертушечниками и мешочниками, стали главными в произведениях Расторгуева.

Редкий, в общем-то, случай, когда помимо своего ремесла художник удивительно владеет словом; даже немодный в наши дни эпистолярный жанр обретает у Расторгуева новую жизнь. Его тексты хочется цитировать.

Вот, например, из давнего дневника. «Самое большое счастье — когда проскользнешь и захлопнешь дверь в свой мир — тебя тут же окружит шумная ватага образов — чуждых в жизни, но пластически сработанных в искусстве. Отваливается, как шелуха, повседневность с ее мировыми проблемами и скорбями, которые в результате, как проблемы человеческие, не стоят ни гроша. В этой тишине мастерской голоса из детства, смех и музыка из соседнего общественного сада, краски волжских песчаных и глиняных осыпей, пропущенные через слой голубых испарений от волжской воды, ватага баб-барынек, лихих усачей и чертовщин всяких вроде русалок или кикимор, но из наших городецких веселых дебрей. Краски ведут игру нежную, как наши рассветы, когда цвет идет издалека, из-за Волги, вместе с предутренним холодком — ветром — кистью, что выглаживает поверхность холста».

Провинциальные сюжеты, увиденные в детстве, до сих пор привлекают внимание Евгения Расторгуева. «Несущие самовар» (1994)